

В. Ю. Троицкий

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ОТКРЫТИЯ
РУССКОЙ
РОМАНТИЧЕСКОЙ
ПРОЗЫ
20-30-х годов XIX в.**

Издательство «Наука»

Губернатору
Фанне Зуровичу
Канунцову
с благодарностью за
доброе внимание к
коллегам и самым
добрым чувствам.

15.03.85. Стефанук

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

В. Ю. Троицкий

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ОТКРЫТИЯ
РУССКОЙ
РОМАНТИЧЕСКОЙ
ПРОЗЫ
20-30-х годов XIX в.**

Ответственный редактор
Н. М. ФЕДЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1985

7-980454

Автор рассматривает русский романтизм в свете общих историко-литературных закономерностей и как явление глубоко своеобразное, порожденное предпосылками общественно-политического и литературного характера. В связи с поставленной задачей исследуется понятие литературного романтизма, выявляются его существенные особенности; устанавливается, как преломляется в литературе новое мирозерцание, национальное самосознание и стремление выразить в самобытной форме самобытное национальное содержание.

Рецензенты

Л. М. КРУПЧАНОВ, Н. Н. ЖЕГАЛОВ

T 460300000—030 357.84.IV
042(02) — 85

© Издательство «Наука»,
1985 г.

ВВЕДЕНИЕ

Художественные завоевания русской литературы XIX в., определившие ее мировое значение, были в большой степени подготовлены тем этапом ее развития, тем художественным движением, которое получило название *романтизм*. Первые робкие его признаки начинают обнаруживаться в последней трети XVIII столетия, когда в литературе стали вырисовываться два соотносящиеся друг с другом процесса: с одной стороны, — «порыв *возобновить и присвоить себе прошедший мир изящного греков и римлян*», с другой, — стремление «каждого народа *развивать стихи своего собственного образования*»¹. Последнее и дало начало романтическому движению в литературе и искусстве.

«Отправная точка романтизма — обращение к народно-поэтической старине, конечная цель его — создание национальной, самобытной поэзии»². Такое представление об исторической миссии романтического движения подтверждается и в ряде современных литературоведческих трудов³. И действительно, именно романтики открыли новые источники вдохновения и новые предметы для художественного отображения, сумели по-новому оценить отечественную историю и культуру, увидели в них ранее неведомое, неосознанное. Именно в эпоху романтизма, начало которой восходит к 90-м годам XVIII в., а расцвет приходится на 10—30-е годы XIX в., начался бурный процесс обращения к национально-му прошлому, активное его художественное возрождение и

¹ Полевой Н. А. О романах Гюго и вообще о новейших романах. — Московский телеграф, 1832, № 1, с. 97.

² Замогил И. И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе. 2-е изд. СПб.; М., 1911, т. 1, с. 2.

³ См.: Методология современного литературоведения: Проблемы историзма. М., 1978, с. 133—135; История романтизма в русской литературе: Возникновение и утверждение романтизма в русской литературе (1790—1825). М., 1979, с. 310. Здесь же (с. 3—16) изложены существующие точки зрения на романтизм, в том числе и русский, и приведена основная литература вопроса.

переосмысление, «процесс открытия нового в старом»⁴, эстетического освоения ценностей национальной культуры, уходящей корнями в глубинные пласты истории, неповторимого духовного склада своего народа.

Поворот литературы к самобытности и народности был вызван стремлением «понять и нарисовать конкретные черты национального духа, национальной жизни»⁵, раскрыть их художественное своеобразие. «Открытие особого качества литературы и искусства — народности и формирование соответствующего ему понятия, ставшего одним из важнейших критериев художественного достоинства произведений, знаменовало начало переворота в европейском эстетическом сознании»⁶. Этот переворот и предопределил целый ряд художественных открытий, возникших в русле нового движения, которые затем стали связывать с понятием литературного романтизма.

Художественные открытия романтизма представляли собой огромный скачок в поэтическом освоении мира, переломный момент в развитии творческого сознания, знаменовали появление качественно новой, самобытной художественной действительности с ярким преобладанием в ней национального начала.

Эти стороны романтизма начали осознаваться еще в годы его расцвета. «Ныне совершенно иное направление получила словесность — направление романтизма, — сообщалось на страницах «Московского телеграфа» (1830). — Мы понимаем его в таком же отношении к народу, в каком слово к человеку: это изображение мышления народа, внутренней его жизни...» Далее отмечалось, что сегодня художник, «стремясь к совершенству... творит природу и свое человечество», что его цель «не подражать бранным существам, а творить или выражать бессмертные идеалы в изящных искусствах»⁷. Формируется новый тип писателя, художника — самостоятельного и независимого, творца особого, неповторимого, художественного мира.

---

⁴ Лихачев Д. С. Об эстетическом изучении памятников культуры прошлого. — *Вопр. лит.*, 1965, № 3, с. 100.

⁵ Фридман Н. В. Батюшков и романтическое движение. — В кн.: *Проблемы романтизма*. М., 1967, с. 98.

⁶ Курилов А. С. Понятие народности и принцип историзма. — В кн.: *Методология современного литературоведения*, с. 127.

⁷ Речь о занятиях Общества любителей российской словесности в торжественном собрании онога 1829 декабря 23, произнесенная временным председателем ординарным профессором И. И. Давыдовым. — *Московский телеграф*, 1830, № 1, ч. 31, с. 9, 10, 11.

Писатели того времени подчеркнуто и целенаправленно обратились к тем сферам действительности, в которых наиболее ярко проявлялось самобытное начало в жизни их народов, к тем художественным формам, в которых возможно было с наибольшей полнотой выразить это начало. На этом пути и были сделаны самые значительные художественные открытия романтиков как в области содержания искусства, так и в области поэтических форм и выразительно-образительных средств.

Романтики открыли новые источники вдохновения, обратившись в своих художественных исканиях к событиям и памятникам отечественной истории, традициям народно-поэтического творчества, национальной мифологии. В каждой из этих сфер прежде всего осваивалось то, что несло на себе отпечаток неповторимости, народности, оригинальности. Романтики открывали эти начала в созданиях народной фантазии, характере волшебных вымыслов, образах героев, обладавших ярко национальными чертами, в извлеченных из средневековых преданий «неповторимых» чудесах и ужасах и т. п. Были значительно раздвинуты горизонты литературы, открывая человечеству новые национально-поэтические миры. При этом художественные открытия были сделаны «не только в области изображения отдельного человека, они совершались в области представлений о человеческом обществе, в области представлений о русском государстве, нации и наконец о народе в целом и о трудовом народе...»⁸.

Одно из главных мест в этом новом художественном мире по праву принадлежало историческому прошлому народа. События отечественной истории становятся неисчерпаемым кладом оригинальных сюжетов, героических образов, самобытных воззрений, взглядов и суждений, служивших одновременно и средством для духовного освобождения народа от влияний, обусловленных следованием классицистской эстетике и чуждых его национальным традициям. Все это органически близкое национальному сознанию не могло не волновать писателей, глубоко и остро понималось и переживалось ими. Познавая и сопереживая, писатели должны были многое домысливать. Отечественное прошлое открывалось для них не только как объективная реальность, но и как реальность воображаемая и даже фантастическая. Национальное прошлое входило в круг их поэтических представлений, решительно утверждалось в эстетическом сознании. Для оте-

⁸ Лихачев Д. С. У предыстоков реализма русской литературы.— В кн.: Проблемы реализма: Материалы дискуссии о реализме в мировой литературе 12—18 апреля 1957 г. М., 1959, с. 427.

чественной литературы была открыта поэзия национально-исторического повествования, в которой «голос народов и владык должен греметь из глубины минувшего»⁹. Обращение к родной старине и воскрешение ее как предмета художественного отражения получили в новом литературном движении определяющее значение.

Творчески плодотворным явилось и обращение романтиков к традициям народно-поэтического творчества, национальной средневековой литературы, что в известном смысле становится открытием поэтической истории своего народа, его духовной жизни¹⁰. Через образы народно-поэтического творчества романтики постигали мир оригинальных идей и представлений. В их поэтический арсенал вошли сказочные, легендарные, былинные образы. Литературе открылись новые художественные явления, не известные до того способы творческого синтеза, та «смесь непонятно-чудесного и обыденно-простого, возвышенного и забавного, которая составляет отличительный признак настоящего сказочного вымысла»¹¹.

Немалое значение приобретала и национальная мифология, в то время ревностно воскрешаемая писателями. Она служила заметным ориентиром на пути к самобытности литературы. Тогда же немецкий теоретик романтизма Ф. Шлегель заметил, что «сущность поэзии заключается в мифологии и мистериях древних»¹², и сетовал: «...в чем современное поэтическое искусство уступает античности можно объединить в словах: мы не имеем мифологии»¹³. Позднее он причислял к средневековой мифологии содержание рыцарских романов и легенд¹⁴. Однако не весь фольклор, а только те произведения народного творчества, в которых с наибольшей полнотой было выражено самобытное, национальное начало, служили источниками и опорой поэтического вдохновения романтиков.

Дифференцированно относились к народно-поэтическому творчеству, к памятникам средневековой литературы и русские романтики, обращаясь прежде всего к произведениям героического характера, запечатлевшим борьбу русского на-

⁹ Полевой Н. А. История русского народа. М., 1830, т. 4, с. XXIII.

¹⁰ См.: Русская литература и фольклор. Л., 1967, с. 31—85.

¹¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. М.; Л., 1968, т. 15 (Соч.), с. 93.

¹² Шлегель Ф. Идеи.— В кн.: Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980, с. 61.

¹³ Шлегель Ф. Речь о мифологии.— Там же, с. 63.

¹⁴ Шлегель Ф. Лекции о драматическом искусстве и литературе.— Там же, с. 180.

рода за свою свободу и независимость, воссоздававшим его нелегкую историческую судьбу. Не случайно поэтому русские романтики в первую очередь открыли для художественного отражения позитивные идеалы, традиции «высокой» народной эстетики. «Средневековое русское повествование полно героическими сюжетами в обоих своих руслах — в церковном и светском, такими сюжетами, в которых деяния изображаются как труд и подвиг, направленные к общему благу народа, согласно пониманию его в феодальную эпоху жизни государства»¹⁵. Романтики как бы возвращали литературе высокий нравственный пафос национального средневекового искусства.

В силу исторических обстоятельств характер коллизий, занимавших сознание русского человека, почти всегда определялся коренными вопросами, связанными с судьбой или самим существованием народа. Поэтому «переживание истории», воспринятое романтиками из литературы русского средневековья, оказывалось особенно острым. Тесно переплетаясь с духовной жизнью личности, оно было проникнуто тем совершенно самобытным идеалом, «общее содержание которого может быть передано как „прекрасное — это родина“»¹⁶. Русский романтизм заново открыл для литературы этот высокий национальный идеал.

Патриотический пафос отечественной литературы прошлого не только заставлял переосмысливать героическую тематику, но и придавал изображаемым на историческом фоне человеческим поступкам смысл исторических деяний. Характеристики, созданные романтиками и ориентированные на самобытные образы прошлого, озарены пафосом национально-освободительной борьбы, защиты отечества, идеями соратничества, духовного сплочения народа (последний мотив получил в русской литературе широкое развитие). Их конкретное художественное воплощение становится подлинным открытием русского романтизма.

Для русской литературы романтической поры показательным утверждением героического начала как неотъемлемого свойства народного характера.

Представление о героизме, качественно новый взгляд на героизм национальной истории, свойственные русским романтикам, накладывают отпечаток на художественное мировосприятие тех лет, выбор тем и сюжетов, на освещение са-

¹⁵ Орлов А. С. Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945, с. 3.

¹⁶ Шохин К. В. Очерк истории развития эстетической мысли в России: (Древнерусская эстетика XI—XVII вв.). М., 1963, с. 8.

мой истории, которая приобретала колорит героической монументальности. Отсюда особый интерес к славным страницам истории отечества, к миру богатырского эпоса. Это был тот мир, в котором «нескончаемые пиры с похвальбою молодецкою и придворная служба с охотою и разными потехами, и семейная жизнь, и мирные занятия домашнего быта, — все это только преходящая, минутная обстановка богатырского житья-бытья. Война, кровавые подвиги, отдаленные странствия, сопряженные с тысячью опасностей — вот элемент, в котором богатырь чувствовал себя на просторе»¹⁷. Это был мир активной деятельности, мир, таящий неограниченные возможности для драматических столкновений и яркой реализации потенциальных сил человеческой личности, выступающей воплощением героизма. Этим определяется характер событий, составляющих национальную жизнь прошлого, отражаемую отечественной романтической литературой.

В условиях романтического движения темы и идеи героического русского прошлого, накладываясь на конкретные исторические события, нередко переосмысливались, усиливались, приобретали современное звучание. Сильнейший стимул общественно-литературному развитию России и национальному романтическому движению был дан событиями 1812 года. Отечественная война явилась определяющим этапом в становлении национального самосознания. Она вызвала поворот к духовному сплочению нации на патриотической основе, еще решительнее направила творческие силы в русло самобытной культуры и (что особенно важно) подготовила условия для возникновения и развития социальных, гражданских, этических, а также эстетических идей будущих декабристов, в чувствах и мыслях которых как бы сосредоточилась «вся культура того времени, все мечты и чаяния честнейших людей страны...»¹⁸.

Русский романтизм открыл путь для создания характеров «проникнутых историей», характеров отмеченных высоким нравственным и гражданским самосознанием, национально-героическими чертами и вместе с тем пониманием общенационального и общечеловеческого значения жизни личности. Все это обусловило особую полноту движения, необыкновенную плодотворность русского романтизма, воспринявшего богатый опыт движущейся истории народа, движения, пронизанного острым ощущением «художниками-романтика-

¹⁷ Буслаев Ф. И. Народная поэзия: Исторический очерк. СПб., 1887, с. 55.

¹⁸ Горький А. М. История русской литературы. М., 1939, с. 85.

ми противоречий мира», связанного «с ростом национально-го самосознания, с национально-освободительной борьбой»¹⁹.

Человек был для романтиков прежде всего носителем национального характера, народного сознания, и поэтому был исторической личностью. Однако человек выступал в романтических концепциях не как представитель класса или группы, а прежде всего как представитель народа, выражающий его самобытность. Вместе с тем, не осознав еще коренных социальных причин общественного развития, романтики искали объяснения «поворотов» истории «в свойствах людских характеров, а не в обстоятельствах, эти характеры порождающих»²⁰.

Романтизм открыл представление о личности как о средоточии народной сущности и придал этому представлению высокий эстетический смысл. Познание общечеловеческого в сфере национального и умение видеть в национальном общечеловеческое — вот одно из важных открытий романтического искусства в изображении личности, ее мироощущения, ее эмоций, ее своеобразия.

Романтическое сознание отличалось идеальными понятиями о народе как о некоем единстве поколений, о народном сознании как о внеличной и вместе с тем присущей разным людям «народной совести», «народном духе», запечатлевших устойчивые национальные нравственные представления о добре и зле. Сознание «органической связи личности с нацией»²¹ формируется именно в эпоху романтизма.

Постепенно складывается некий образ человека, принадлежащего к той или иной национальности. «Каждый народ имеет свой особенный идеал человека... Идеал этот у каждого народа соответствует его характеру, определяется его общественной жизнью, развивается вместе с его развитием, и выяснение его составляет главнейшую задачу каждой народной литературы»²². Указывая на исторические и сословные видоизменения этого идеала, К. Д. Ушинский справедливо отмечает во всех видоизменениях «отражение одного и того же образа в разных сферах общества»²³. Этот образ само-

¹⁹ Храпченко М. Б. Художественное творчество, действительность, человек. М., 1976, с. 332.

²⁰ Сучков Б. Л. Исторические судьбы реализма. М., 1967, с. 70.

²¹ Генов К. Общепсихологические и национально-специфические черты романтизма в славянских литературах.— Славянска филология, София, 1973, т. 13 (Литературознание), с. 37; *Он же*. Романтизм в българската литература. София, 1968.

²² Ушинский К. Д. Собр. соч.: В 2-х т. М., 1953, т. 1, с. 99.

²³ Там же, с. 100.

бытного национального героя, в поведении которого воплощались идеальные представления народа о человеке, был открыт русской литературе романтиками и свидетельствовал о приобщении ее к народной поэтике идеального и возвышенного.

Обращение к национальной словесности способствовало выработке оригинальных поэтических форм, заметно отличавшихся от привычных, узаконенных эстетикой классицизма и в известной мере изменило само представление о жанре, как о чем-то раз и навсегда сформированном, «запрограммированном», довлеющим над содержанием. Жанры классицизма не могли выразить то новое, что было открыто для искусства романтиками.

Из устойчивой, почти догматической формы, жанры превращались в форму функциональную, характер которой в немалой степени определялся художественным замыслом: писатель-романтик не просто выбирал жанр, он как бы создавал его в соответствии со своей творческой задачей. Образно говоря, жанр из «орудия подчинения» превращался в инструмент созидания. Это было великим художественным открытием романтизма.

Новые возможности были широко реализованы романтической поэзией и прозой, наметив пути для слияния в одном произведении нескольких литературных форм. Это привело к появлению таких синтетических в жанровом отношении произведений, как, например, поэма-сказка, поэма-роман, роман-эпопея, повесть-быль и проч. Нельзя сказать, что жанры были разрушены; они стали только более активны и подвижны. При этом в каждой из национальных литератур этот процесс имел свои особенности, и даже общие для всех литератур жанры приобретали постепенно самобытную окраску. Со времен романтизма такие понятия, как «французский роман», «английский роман», «русский роман» и т. д., говорили не только о национальной принадлежности, но и о художественном своеобразии данной формы.

Романтики не только создали новые художественные формы, они разглядели и открыли поэтическую красоту в формах, традиционно выводимых ранее за пределы искусства, являвшихся исключительной принадлежностью народно-поэтического творчества. С легкой руки романтиков в литературе на равных правах с другими утвердились и получили права гражданства такие жанры, как сказка, легенда, предание, быль и т. п. «Сказка есть как бы канон поэзии,— писал, например, Ф. Шлегель.— Все поэтическое должно быть ска-

зочным»²⁴. Новалис, отмечая органичность этого жанра для романтической поэзии, называл сказки «снами о том родном мире, который находится везде и нигде» и замечал, что состояние своей души наилучшим образом может «выразить в сказках»²⁵.

Сказочность составляла одну из основных черт и русской романтической литературы. При этом воздействие сказки «не ограничивалось непосредственным обращением русских писателей к этому жанру, а охватывало более широкий круг явлений от прямых стилизаций... до влияния сказочного стиля на другие жанры: балладу, исторический роман и повесть»²⁶. Это в равной мере относится и к стилю былин, и к стилю легенд, и к стилю средневекового предания, открытых романтиками в качестве одного из плодотворнейших средств художественного освоения действительности. Они широко использовали символическую метафоризацию, «значащие» ситуации, своеобразную аллегорию, восходящую к традициям древнерусской литературы и фольклора, характерный параллелизм, богатое разнообразие «говорящих» эпитетов и т. п. Все эти творческие приемы входили в систему художественных средств, необходимых, как полагали романтики, для создания оригинальной, самобытной, неподражательной литературы.

Однако русские романтики не замыкались в кругу исключительно национальной поэтики. Они постоянно обращались к художественным открытиям других романтических литератур, к творчеству таких выдающихся писателей-романтиков, как Д. Г. Байрон, В. Скотт, Э. Т. А. Гофман, А. де Виньи, П. Мериме, В. Гюго и др. Такого рода обращения нередко давали новый, иногда достаточно мощный импульс отечественному романтическому движению, вовлекая в его орбиту художественный опыт иных эпох и народов²⁷, привнося с со-

²⁴ Шлегель Ф. Атенеийские фрагменты.— В кн.: Литературные манифесты западноевропейских романтиков, с. 98.

²⁵ Новалис. Фрагменты.— Там же, с. 106, 107.

²⁶ Иезуитова Р. В. Литература второй половины 1820-х — 1830-х годов и фольклор.— В кн.: Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Л., 1976, с. 40.

²⁷ См.: Левин Ю. Д. Прижизненная слава Вальтера Скотта в России.— В кн.: Эпоха романтизма: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1975, с. 5—67; см. также статьи М. П. Алексеева «Вальтер Скотт и его русские знакомства», «Байрон и русская дипломатия», «Томас Мур и русские писатели XIX в.» в 91 томе «Литературного наследства (Русско-английские литературные связи. XVIII век — первая половина XIX века)» (М., 1982), с. 247—468, 657—823.

бою массу оригинальных тем, сюжетов, образов, дававших богатую пищу воображению и творческой фантазии писателей, что, в частности, нашло отражение в целом ряде кавказских, горских, черкесских, восточных, ливонских и т. п. повестей и поэм.

Сознание сопричастности многим национальным культурам, сознание того, что «мы живем между другими иноплеменными народами»²⁸, что необходимо взаимодействие и взаимообогащение литератур, приходит и формируется именно в эпоху романтизма.

Если внимательно приглядеться к общей картине русской литературы 20—30-х годов XIX в., нетрудно заметить, что время, которое называют «золотым веком» нашей поэзии, было и временем расцвета русской романтической прозы. Среди ее представителей мы встречаем имена А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. А. Бестужева-Марлинского, В. К. Кюхельбекера, В. Ф. Одоевского, О. М. Сомова, А. Ф. Вельмана, Н. А. Полевого, М. Н. Загоскина, И. И. Лажечникова и многих других, менее известных современному читателю писателей. Однако изучение этой прозы, составившей целый период в истории отечественной литературы и открывшей пути великому русскому реалистическому роману, вообще всей русской реалистической литературе второй половины XIX в. еще только начинается²⁹.

Исследование художественных открытий русской романтической прозы 20—30-х годов XIX в., необходимое и актуальное само по себе, дает возможность глубже понять и процесс дальнейшего развития отечественной литературы, историческую закономерность художественных открытий русского реализма. Рассмотренные в контексте «литературного направления как определенного эстетического единства, возникающего и функционирующего в конкретных исторических

---

²⁸ Труды Казанского общества любителей отечественной словесности. Казань, 1815, кн. 1, с. 45.

²⁹ См., например: История русского романа: В 2-х т. М.; Л., 1962, т. 1, с. 251—277; *Щеблыкин И. П.* Русский исторический роман 30-х годов XIX века.— В кн.: Проблемы жанрового развития русской литературы XIX века. Рязань, 1972; Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л., 1973, с. 77—245; *Постнов Ю. С.* Романтическая проза Сибири.— В кн.: Проблемы литературы Сибири XVI—XX вв. Новосибирск, 1974; История романтизма в русской литературе: Возникновение и утверждение романтизма в русской литературе (1790—1825). М., 1979, с. 291—308; История романтизма в русской литературе: Романтизм в русской литературе 20—30-х годов XIX в. М., 1979, с. 108—172; Очерки русской литературы Сибири: В 2-х т. Новосибирск, 1982, т. 1, с. 209—214, 247—276 и др.

условиях»³⁰, художественные открытия русского романтизма помогают оценить непреходящее значение произведений собственно русской романтической прозы. Проза эта необыкновенно расширила горизонты художественного образа, его содержательности, эмоциональной насыщенности, проистекавших из качественно иного «отношения художника к объекту творчества, к миру реальному и мыслимому», приобретающая новые достоинства от палитры «весьма разнообразных человеческих эмоций»³¹.

В целом художественные открытия русского романтизма могут быть осмыслены лишь в ряде историко-литературных и теоретико-литературных трудов. Настоящая монография первая в обозначенном направлении исследований.

Предметом настоящей монографии явились художественные открытия русской романтической прозы с момента ее зарождения в конце XVIII в. и до ее наивысшего расцвета, который приходится на 20—30-е годы XIX в. Специальная глава посвящена ее истокам — предромантическим веяниям и ранним проявлениям романтизма в русской литературе XVIII в. Художественные открытия русской романтической прозы рассматриваются в контексте исторического движения русской прозы тех лет; особенно выделяется то качественно новое, что вносили на каждом этапе ее развития писатели-романтики.

Завершает книгу раздел, посвященный традициям русской романтической прозы в творчестве отечественных писателей XIX в.

---

³⁰ Храпченко М. Б. Художественное творчество, действительность, человек. М., 1976, с. 331.

³¹ Храпченко М. Б. Горизонты художественного образа. М., 1982, с. 86.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

3

Глава первая

У ИСТОКОВ РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

14

Глава вторая

РОМАНТИЗМ В РУССКОЙ ПРОЗЕ
10-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 20-х ГОДОВ.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОТКРЫТИЯ
ПИСАТЕЛЕЙ-ДЕКАБРИСТОВ

70

Глава третья

РОМАНТИЗМ В РУССКОЙ ПРОЗЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 20-х ГОДОВ XIX ВЕКА.
РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

118

Глава четвертая

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОТКРЫТИЯ
А. А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО

151

Глава пятая

РОМАНТИЗМ В РУССКОЙ ПРОЗЕ
30-х ГОДОВ XIX ВЕКА.
НОВЫЕ ФОРМЫ ОТРАЖЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

172

Глава шестая

РОМАНТИЧЕСКАЯ ПРОЗА
И ТВОРЧЕСТВО РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

223

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

266